

**Стенограмма обсуждения выступлений 12 мая на Ученом совете СПБНИ РАН,
посвященном 75летию Победы**

Докладчик Юлия Зораховна Кантор, тема доклада «"Пути исчезновения" художественных ценностей с оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны (на примере Северо-Запада России)»

А. С. Сиренов: Спасибо, Юлия Зораховна, за очень содержательный доклад. Пожалуйста, вопросы, коллеги

С. К. Лебедев: Юлия Зораховна, известно ли что-либо о поисках до начала 90-х годов в Прибалтике вывезенных нацистами ценностей из РСФСР? Как понимаю, основная информация должна была быть в КГБ в Риге, там был очень мощный центр КГБ, который занимался подавлением национализма и преследованием нацистов. Рига была центром германской оккупации. Рижские архивы могли быть вывезены, как можно понимать, [ремарка Ю. К. Нет, это не так: не вывезены], в Германию, а на рубеже 1980х-90х – в Москву, а что касается музейной части, более или менее открытой, о которой Вы сказали, возможно, в Эрмитаже, например, что-то известно. Известно Вам что-либо об этом периоде. И тогда ведь были социалистические страны, та же ГДР?

Ю. К.: Давайте, я буду отвечать по пунктам: нет, к Эрмитажу эта тема не имеет никакого отношения, абсолютно. Это не предмет каких бы то ни было эрмитажных исследований.

С. Л.: Я понимаю.

Ю. К.: Насчет вывоза. Есть такое понятия в переводе с латышского, коль скоро мы заговорили о Риге, оно звучит так, «мешки КГБ». Дело в том, что далеко не все, что, как мы думаем, должно было вывозиться из Прибалтики в период 89-91 гг. на самом было вывезено. Сейчас можно только гадать или догадываться о том, почему кое-что было оставлено. Вот эти «мешки КГБ», как рассказывают латвийские коллеги, например, с информацией о местных осведомителях и т.д., - остались. Так вот, например, я работала в Особом архиве Литвы, это бывший архив КГБ, там сейчас находится «Центр геноцида и резистенции» и Музей оккупаций Литвы. Раньше там слово «оккупация» не употреблялось (в названии музея, я имею ввиду), а сейчас в Литве, как в Латвии и Эстонии, это называется Музей оккупации и освобождения. Там значительная часть материалов на русском языке, по понятным причинам, ну а вильнюсские коллеги мне помогали переводить с литовского. Материалы, связанные с художественными ценностями и их судьбой во время войны, в этих фондах, мне не попадались. Но были материалы о доносчиках, о, если Вы имеете послевоенное время, огромный пласт по «лесным братьям», о сопротивлении, когда я говорю о «сопротивлении», я в данном случае говорю не о наших партизанах, а о «лесном братстве». Материалы, касающиеся вывоза в период оккупации художественных ценностей, есть в Центральном архиве ФСБ РФ, я их исследовала тоже.

Что касается Риги, да, Рига была центром, столицей «Остланда». И там в архивах сохранились материалы, связанные с тем, как я уже говорила, военным временем, что там хранилось и что перевозилось, материалы, связанные с художественными ценностями. Но

мне попадалась информация о том, что, возможно, некоторые ценности, вывезенные нацистами с территории РСФСР в период оккупации, остались в этих балтийских музеях, не только Латвии. И здесь есть, я бы сказала, весьма острый вопрос, на мой взгляд, не имеющий перспективного ответа. Поскольку, когда закончилась война, было решено, что музеи регионов, наиболее пострадавшие от войны, а к ним относилась и Прибалтика, как Вы понимаете, в случае если какие-то художественные ценности на их территории, даже попавшие с территории других республик в частности с территории РСФСР, найдены, выявлены, их нужно отреставрировать и совсем не обязательно возвращать, а, вернее, их лучше всего оставить на месте. Так, в Таллине и в Риге остались экспонаты, которые имеют происхождение российское, еще дореволюционное российское. Аналогичная история происходила и с книгами.

Что касается Вашего вопроса об исследованиях. Как Вы понимаете, в советское время в Прибалтике исследований такого рода практически не велось. С территории Восточной Германии то, что было возвращено, было возвращено уже в 45-начале 46 года. Все, что было найдено союзными войсками на территории Западной Германии, т. н. collectingpoints, крупнейший из которых находился в Мюнхене, все это было возвращено. Что касается постсоветского времени, могу со всей ответственностью сказать, что то, что сейчас возвращается, - единично. И – плод либо совместных проектов ученых и музейщиков России и Германии или добрая воля наследников тех, кто все это привез в Германию. Например, вернулись панно из Янтарной комнаты, если мы говорим о Царском Селе, вернулись несколько ваз, икона, книги из императорской библиотеки, тоже в Царское Село, вернулась одна статуя «Летящий Меркурий» из Австрии в Павловск, несколько предметов в Гатчину вернулись, это следствие работы совместной группы профессора Айхведе из Бременского университета и его коллег и ФРГ и нашей страны, фонда Прусского культурного наследия и Союза музеев России. Это единичные предметы, тоненький ручеек, но абсолютно точно доказывающий, что нигде в государственных структурах, за исключением нескольких библиотек германских (которые в случае выявления книг российского происхождения возвращают их без особых бюрократических проблем), о чем уже было сегодня упомянуто, все остальное находится в частных руках. Вот те единицы, это частные руки. Был даже такой курьезный случай, в Царское Село в 2015 году вернулись две китайские парные вазы китайские, которые подарила музею чета из Германии: ее отец воевал на Восточном фронте в 42-м, а его в 43-м, и каждый вывез по вазе. Вот теперь это все вернулось, 70 лет спустя после окончания Второй мировой войны.

С. Л.: Спасибо. Вы упомянули выставки в Риге во время войны вывезенных из России ценностей. В Кёнигсбергском замке была выставка Янтарной комнаты, и были, возможно, другие предметы из России, какие-то описания, рецензии, каталоги. Что Вам известно об этом?

Ю. К.: Нет, каталогов, насколько известно, не было. Янтарная комната там пробыла несколько месяцев. Вообще, версия о том, что ее успели вывезти в конце войны из Кенигсберга, на мой взгляд, не совсем достоверная. С большой вероятностью, она, увы, сгорела. Что касается выставок в Кёнигсбергском замке, там не стационарная была, там была скорее экспозиция. Туда свозили все, что связано с историей Восточной Пруссии: совершенно понятно, почему туда попала Янтарная комната, из кёнигсбергского янтаря сделанная.

Вообще есть несколько историй, связанных с описанием сокровищ, которые находились на территории РСФСР, и были даже путеводители, в 42-м, по-моему, или даже в 43-м году был выпущен путеводитель для немецких солдат по Новгороду на немецком языке. Естественно, он акцентирован был на «немецкое происхождение» культурного наследия. Таким образом немцы занимались «просвещением» своих солдат. А 1943 году для немцев, осаждавших Ленинград, был издан альбом с изображениями пригородов.

Что касается выставок, большая выставка была в Риге. Она вызвала ярость со стороны министерства иностранных дел Риббентропа, потому что считалось, что выставка не нужна в пропагандистских целях. Она была достаточно быстро свернута и все, что на ней было, увезли на территорию Третьего Рейха. Еще несколько было локальных выставок в Берлине, но во избежание межведомственных конфликтов, они были достаточно быстро свернуты, и их сокровища были распределены по соответствующим структурам. В принципе, выставки в Риге и Пскове были скорее исключением, чем правилом.

С. Л.: Результатом ранее проведённой поисковой работы стало возвращение из западной части Германии в конце Холодной войны архива средневекового Таллина.

Ю. К.: В 1989 г. шли переговоры на эту тему. Окончательно он вернулся в 1990 г.

А. С.: Есть ли еще желающие задать вопросы?

Т. В. Андреева: Первый вопрос, существовали ли отличительные черты государственного грабежа Финляндии и Германии? И в чем они состояли? А второй вопрос. В основе идеологической доктрины штаба Розенберга что доминировало? Доминировал нацизм, то есть приоритет арийской нации, или прагматика экономических интересов?

Ю. К.: Начну со второго. Если мы говорим вообще о штабе Розенберга, то он, как Вы понимаете, занимался отнюдь не только предметами искусства. Я касалась только этой темы (вывоза предметов искусства), чтобы не обнимать необъятное. Естественно, вопросы, связанные с экономикой и всем, что нужно «выкачать», это тоже цитата из документа, из подчиненных областей все, что необходимо для нужд Третьего Рейха, это было доминантой также находились в его ведении. Эти документы -тоже в Латвийском историческом архиве. Но «выкачивание» находилось в числе ключевых, приоритетных идеологием всей нацистской доктрины, естественно, применительно к восточным территориям. Ситуация с Европой, даже с Восточной Европой, за исключением Польши, у нацистов была совершенно по-другому акцентирована. С точки зрения освоения пространства - это отдельная, большая тема - заселение немцами всех территорий оккупированных, в т. ч. и Советского Союза, должно было проходить не только как освоение собственно земель, недр, ресурсов и т. д., но и уничтожение населения. Согласно нацистским документам, от 50 до 70% населения Союза должно было быть уничтожено. Остаться должны были только «годные с точки зрения расы» рабы, обслуживающие «арийцев».

Что касается отношения к художественным ценностям, то тут было два направления. С одной стороны, нужно было вывезти и сохранить для «арийской расы» то, что имеет отношение к ее истории. Поэтому все, что связано с историей Российской монархии, - начиная с Петра I и дальше, все наши цари имели немецкую кровь, их интересовало. Особый акцент делался на Екатерине II. Но отнюдь не только это их интересовало. Все,

что было по настоящему ценным, - например, русские иконы никак не отнесешь к немецкому наследию, но их уникальность они прекрасно понимали, русское серебро, русская живопись, - вывозилось. Расовая теория играла в этом смысле второстепенную роль и была просто идеологическим прикрытием грабежа.

Теперь о первом вопросе. Алгоритм был примерно один – великая Германия, великая Финляндия, расширение территорий. И не только тех, которые когда-либо входили в состав Финляндии, я имею ввиду не только те, что входили до Зимней войны, но и Восточная Карелия и другие регионы, к Финляндии никогда не относившиеся, в т. ч. и к дореволюционной. Еще: обязательное сохранение того культурного, материального наследия, которое ценно для финского народа, для Финляндии как таковой, для укрепления и установления ее государственности. Мне кажется, что финны в этом смысле работали более скрупулезно, более ранжировано даже, чем немцы. Это не значит, что более гуманно. В их задачу входило сохранение этого наследия, вывоза в Финляндию и дальнейшее использование. У немцев те же цели были.

Т. А.: Спасибо.

А. С. Есть ли еще желающие задать вопросы?

В. И. Мажуга: Я хочу сказать, что с большим интересом слушал доклад. Только у меня есть одно маленькое замечание: и в тексте, и в устном выступлении отсутствовали имена собственные, имя собственное, вот, например, имя личное, собственное, Георга Фридриха фон Крузенштерна. Я был знаком хорошо с его племянницей и с родным братом. Для меня очень было важно все-таки уточнить, не причастны ли мои родственники каким-то образом к не совсем благовидной истории, хотя бы поневоле. Словом, речь шла о Георге Фридрихе, родившемся в Петербурге в 1899 г. в семье вообще говорили по-русски, даже в Германии.

Ю. К.: В тексте есть его инициалы. Может, стоит спросить, не там ли какие-нибудь ценности?

В. М.: Навряд ли, я бывал в их доме.

А. С.: Благодарю Юлия Зораховну за столь интереснейший доклад.

Докладчик **Ирина Александровна Карпенко**, к.и.н., ученый секретарь Государственного музея истории Санкт-Петербурга «**Первый День Победы. 9 мая 1945 года в Ленинграде**».

А. С.: Коллеги, будут ли вопросы к Ирине Александровне?

А.Н. Чистиков: Ирина Александровна, я хотел спросить, смотрели ли Вы документы партийного архива, бюро горкома, горкома или агитационно-пропагандистского отдела за вторую половину апреля, начала мая? Судя по тому, что в разных районах города праздновали примерно одинаково, и Вы сами говорите о сценарии, скорее всего, он был подготовлен. Вот интересно, за какое время до Победы его начали готовить? Спасибо!

И. К.: Сейчас очень сложно на это ответить, поскольку, к сожалению, архив закрылся в связи с эпидемией. Единственное, что можно утверждать, был единый подход к оформлению. Украшением улиц в Ленинграде занимался трест Ленгороформление, была выбрана единая цветовая палитра, определены портреты, которые должны были висеть на зданиях, определены места для их развески. Заказывалось все это заранее, то есть подготовка начиналась где-то в середине апреля. Как прописывался сценарий, не могу Вам точно сказать, мне, к сожалению, архив пока недоступен.

А. Ч.: Спасибо.

А. С.: Коллеги, если больше вопросов нет, тогда мы поблагодарим Ирину Александровну за содержательный и эмоционально соответствующую теме доклада подачу материала. Спасибо Вам, Ирина Александровна, за участие в нашем ученом совете. Мы переходим к последнему докладу Юлии Игоревны Мошник.

Докладчик **Юлия Игоревна Мошник**, к.и.н., ст. науч. сотрудник ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник» **«Финская печать 1941–1944 г. о судьбе блокадного Ленинграда и его жителей».**

А. С.: Уважаемые коллеги, вопросы.

Б.Н. Ковалев: Большое спасибо за интересное выступление. Вопрос, можно сказать, по двум докладам. Как финская печать отобразила 9 мая 1945 г., поздравление президента Маннергейма советскому народу с Победой над нацистской Германией?

Ю. М.: Хороший вопрос. Борис Николаевич, я боюсь, что я сейчас затруднюсь ответить на него, потому что это требует все-таки специального знакомства, я специально на эту тему не просматривала газеты, поэтому боюсь сейчас наврать.

Б. К.: Просто, когда я смотрел замечательный фильм «Великое прощание», Урхо Калева Кекконен с огромным букетом алых роз уж очень по-европейски смотрелся около гроба товарища Сталина. Поэтому мне интересно, я знаю номер «Правды» с телеграммой поздравительной президента Маннергейма, вот интересно, насколько финские газеты в мае 45 года, извините, «лизали» советский народ и радовались радостям ленинградцев?

Ю. М.: Вы знаете, наверно на половину вопроса я смогу сказать, что Урхо Калева Кекконен, он продемонстрировал просто чудеса гибкости политической и вот даже рассмотрение в хронологическом порядке публикаций о Ленинграде, оно показывает гибкость его мышления. Очень любопытно, как с течением времени в 43 и особенно в 44 году (а последняя его большая публикация о Ленинграде 44 годом датируется) все

больше рассказов об историческом прошлом Ленинграда, о достоинстве города, о его исторических памятниках, как-то военные вещи начинают немножко уходить в тень.

Ю. К.: Юлия Игоревна, из Ваших же публикаций я знаю, что никакого сострадания к ленинградцам и голоду и к тому, что происходило, в этих публикациях не было, из Ваших же работ я это знаю, а вот в период между прорывом блокады, т.е. 43 и снятием блокады в 44, с января по январь, была ли какая-то динамика, связанная, ну так скажем, с меньшей жестокостью финских публикаций, связанных с Ленинградом и ленинградцами, вообще в газетах разных в Финляндии именно за этот год.

Ю. М.: Ну, конечно, я за этот год, за этот период смотрела публикации, и могу сказать, что за этот период их стало гораздо меньше, и вообще о ленинградцах стали писать, начиная с середины 42 года, значительно меньше, когда, собственно, закончились ожидания скорого падения города. Начинают писать о том, что, если Ленинград выстоит, начнется наступление советских войск на Карельском перешейке против Финляндии, финская пресса к этому готовит. Самое смешное в этой ситуации, что печать финская оказалась такой провидческой и, если бы финские военные прислушивались к собственной печати больше, они может быть были бы готовы к наступлению советских войск в июне 44 лучше. Оказалось, нет, сами газет не читали.

Ю. К.: Спасибо!

С. Л.: Вы говорили об изменявшемся в Финляндии отношении к Ленинграду и вообще к мероприятиям на стороне Германии во время войны. На сайте финской телерадиовещательной компании Yle есть скрытно записанный аудиоматериал беседы Гитлера с Маннергеймом в июне 1942 года, где фюрер не выказывает былого энтузиазма в отношении перспектив Восточного похода, заметим, еще до Сталинграда. Вы смотрели/слушали или, возможно, читали текст этой беседы?

Ю. М.: Да.

С. Л.: Это очень интересный материал. Он сравнительно недавно появился, и там просматривается довольно сдержанная реакция Маннергейма на рассуждения Гитлера. Вы говорили в докладе об изменении тональности в финской прессе, и о том, что уже начали писать «Ленинград», то есть употреблять советское и прежнее русское название города на Неве, что Петербург замечателен, о его культурных ценностях. И это, кстати, наблюдается и в немецкой печати, в центральной газете национал-социалистического движения тоже. Вот это показательно. Как Вам кажется, эта встреча имела какое-то значение для финского дискурса? Спасибо.

Ю. М.: Да, да, конечно имела, тут есть одна немаловажная деталь, это собственно устройство финского военного руководства. Дело в том, что Маннергейм, начиная с конца 42 года, остался, если не одинок, то близок к тому; он вообще о своих переговорах, своих мыслях старался не рассказывать. И самое пугающее для него было, если бы информация о безнадежности наступления немцев под Ленинградом, вообще положении немецких войск под Ленинградом, она бы просочилась в какие-то открытые источники. Потому что Маннергейм считал, что это подрвет боевой дух и не позволит финским войскам держать линию фронта на Карельском перешейке, потому что позиционная война, она и так

оказывает воздействие, войска уже не такие активные, они устали от войны, и необходимо, чтобы все время была надежда на то, что ситуация будет меняться каким-то образом, который для Финляндии будет выгоден. Поэтому в руководстве, конечно, и в политическом, и военном и сведения были, и мысли были о том, что Финляндии нужно выходить из войны, и начались сепаратные переговоры о прощупывании путей выхода из войны для Финляндии, но в печать это не попадало никаким образом. Существуют сведения о том, что у Маннергейма был прямой конфликт, не очень острый, но все-таки конфликт с президентом Ристо Рюти, касающийся как раз того, чтобы не допустить информацию о прощупывании Финляндией путей выхода из войны в открытые источники. Рюти это допускал, Маннергейм не допускал.

А. С.: По всей видимости, вопросы иссякли. Спасибо, Вам, Юлия Игоревна, за очень обстоятельное выступление, как будто бы мы действительно сами прочитали финские газеты. Повестка дня исчерпана.